

Д.А. ПРОХОРОВ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В XIII–XVIII вв.: РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И ТОРГОВЛИ

Вопросам, связанным с историей караимских общин, существовавших на территории Крымского полуострова, посвящено значительное число публикаций отечественных и зарубежных исследователей. В числе трудов, в которых анализируются проблемы, связанные с участием караимов в различных сферах хозяйственной и экономической жизни региона, необходимо назвать работы Ф.Ф. Лашкова, А.И. Маркевича, А.Г. Герцена, Ю.М. Могаичева, М.Б. Кизилова, Л.В. Чижовой, А. Галенко, Д. Шапира. Важным источником для изучения истории развития в караимских общинах различных ремесел, промыслов и торговли являются записки путешественников, в разное время побывавших на полуострове, – прежде всего, это сочинения И. Шильтбергера, М. Броневского, Э. Челеби, Ж. Ромма, И. Тунманна, барона Тотта, П.И. Кёппена, П.И. Сумарокова, П.С. Палласа, Э. Кларка, М. Гутри, Р. Лайалла, Ф. Дюбуа-де-Монпере, Р. Хебера. Свои заметки о посещении Крыма (в которых имеются упоминания о традиционных занятиях караимов) оставили также: писатели А.С. Афанасьев-Чужбинский, В.В. Измайлов и Г.В. Гераков, польская путешественница Пюта (псевдоним Елены Скимунт), Л. Хлебницки-Юзефович, княжна Е. Горчакова, О. Шишкина, С. Элиот, Э. Хендерсон, француженка А. Омер де Гель, немцы Ф. Реми, А. ф. Хакстхаузен и Й. Коль, а также многие другие.

Целью предлагаемой статьи является обобщение уже известных на сегодняшний день данных о развитии в крымских караимских общинах различных видов ремесел и промыслов, о традиционных занятиях караимов, а также об их участии в экономической и хозяйственной жизни полуострова в XV–XVIII вв., и, в частности, в период существования Крымского ханства. Актуальность работы обусловлена тем, что некоторые из публикаций на указанную тему содержат достаточно противоречивые и, зачастую, противоположные друг другу выводы.

Дискуссия об истории караимов и времени их появления в Крыму длится уже почти два столетия. В академической литературе принято считать, что караимы появились в Восточной Европе уже в послехазарское время, и остатки иудайзированных хазар едва ли могли оказать на них сколько-нибудь серьезное

влияние. По другой версии, впервые выдвинутой российскими ориенталистами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым, поддержанной и развитой караимским гахамом С.М. Шапшалом, и которой сегодня придерживаются некоторые авторы, современные караимы являются прямыми потомками хазар. Серьезным доказательством в вопросе о времени появления караимов в Крыму могут стать публикации А. Федорчука, проведшего исследование и каталогизацию надгробных памятников на крымских караимских кладбищах (прежде всего – на кладбище «Балта Теймез» в Иосафатовой долине под Бахчисараем) [Федорчук, 2007, с. 33, 34; Федорчук, 2008, с. 212–227].

Судя по дошедшим до нас письменным источникам, первые свидетельства о пребывании караимов на Крымском полуострове датированы серединой XIII в. [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 118; Кругосветное странствие, 2004, с. 266, 267; Вихнович, 1996, с. 198; Кизилов, 2004-а, с. 258]. Переселившись в Крым из Персии, Бухарии и Черкессии, караимы избирают местом жительства такие города, как Солхат, Кафа, Карасубазар, Чуфут-Кале (Кырк-Йер), Мангуп, а впоследствии Гезлёв и ряд других населенных пунктов полуострова [Кеппен, 1837, с. 289, 290; Шильтбергер, 2004, с. 52; Герцен, 1998, с. 744–751; Герцен, 2000-а, с. 58–61; Кизилов, 2001, с. 245; Кизилов, 2003, с. 124].

В связи с этим следует также заметить, что в различных источниках XV–XVIII вв. встречается несколько форм экзоэтнонимов караимов. Известно, что в официальных документах Крымского ханства всех представителей иудейских общин именовали *иехуди*, или *яхуди* (*ягуди*, *яхудилер*). При этом необходимо подчеркнуть, что под термином «иудеи» могли подразумеваться как собственно караимы, так и еврей-раввинисты, поскольку различия между ними в Крымском ханстве не делалось (кроме того, большинство источников XIII–XVIII вв. также не отличало караимов от приверженцев талмудического учения, что, в определенной степени, создает для исследователя проблему терминологического характера). В известной степени это относится и к документам ханской администрации, а также непосредственно к ханским ярлыкам, в текстах которых ряд исследователей (В.В. Григорьев, В.Д. Смирнов) упоминание об иудеях однозначно трактовали в пользу караимов.

Необходимо отметить, что наиболее распространенным в караимских общинах Юго-Западного Крыма являлось крупное и мелкое скотоводство. Так, например, в ханских ярлыках и фирманах (или ферманах – указах, охранных грамотах), узаконивавших права населения Чуфут-Кале на земельные участки, упоминается о принадлежавших чуфут-кальской караимской общине землях в округе Бахчисарая, на которых производился выгон скота [Фиркович, 1890, с. 88–96]. В ярлыках, выданных в 1459 г. и 1468 г. крымскими ханами жителям Чуфут-Кале (среди которых упоминаются мусульмане, христиане, а также «ягуди» – караимы или еврей-раввинисты), речь идет о запрете ловить арканами волов и другой скот, принадлежавший членам вышеперечисленных общин [Смирнов, 1918, с. 8, 9, 11].

Ханский ярлык 1590 г.¹ провозглашал Аметшу-бея начальником крепости Кырк-Йер с тем условием, чтобы тот поступал с жителями города и его округи – мусульманами, христианами, иудеями – по законам, и предоставлял следующие привилегии: «с головы крупного скота он [Аметша-бей] должен брать в казну только 6 акче², а с барана и козы только 1 акче» [Протокол, 1912, с. 27]. Однако уже в ярлыке, выданном в сентябре 1608 г. ханом Селямет-Гераем I населению Чуфут-Кале³, сообщалось, что «беку города [Чуфут-Кале] Ахмед-Паше в Нашем заседании Дивана в присутствии иудеев сделано было порицание, внушение и запрещение, чтобы он с течением времени с народа иудейского не требовал не новшеств, ни взиманий, ни удержек, ни выходового, ни расходов, ни так называемого налога, ни рабочей повинности, ни службы». В этот перечень входила и т.н. «подводная» повинность (т.е., у караимов было запрещено брать лошадей и подводы для нужд беев) [Фиркович, 1890, с. 64–66]. Подтверждение права караимов Чуфут-Кале на выгон скота в границах, установленных прежними ханами, было выдано в 1610 г. ханом Джанибек-Гераем I (в связи с конфликтом, возникшим относительно территорий, занятых членами греческой общины под посевами), в 1635 г. – ханом Инайет-Гераем; в 1642 г. – ханом Мухаммед-Гераем IV и др. [Фиркович, 1890, с. 72, 73, 77–79, 83]. Отметим также, что в *дефтерах* (тетрадах) кадиаскера Мустафы, датированных 1608–1613 гг., сообщалось о том, что караимы Чуфут-Кале в 1612 г. были вынуждены обратиться в кадиаскерский суд с иском к жителями дер. Майрум (как к мусульманам, так и к представителям «райи»⁴) по вопросу о неправильном, по их мнению, размежевании спорного участка пастбищной земли, расположенной между Чуфут-Кале, дер. Тепе-Керман, Кыз-Керман и Рамазан-Салой. Чуфут-кальские караимы заявили, что жители Майрума «без всякого повода вспахивают и засевают» часть земли, находившейся в собственности семи *джамаатов* (общин). Выслушав представителей джамаатов Бахчисарая, Салачика, Азиза, Качи, Кильяна, Шуры и Чуфут-Кале и осмотрев земельный участок, кадий признал спорный выгон общим, принадлежащим общинам всех лежащих

¹ Приведенная в «Известиях ТУАК» датировка ярлыка хана Девлет-Герая I ошибочна (999 г. хиджры соответствует 1590 г. н.э., а Девлет-Герай I, как известно, умер в 1577 г.) [Девлет-Герай I, 1901, с. 248]. По-видимому, следует атрибутировать этот ярлык как принадлежавший хану Газы-Герая II.

² Акче – мелкая серебряная монета, длительное время имевшая хождение на территории Крымского ханства.

³ Подлинность этого документа часто подвергается сомнению, поскольку при опубликовании ориенталистом В.Д. Смирновым использовался не оригинал, а факсимильная копия из коллекции историка и востоковеда В.В. Григорьева, что и дало основание сомневаться в аутентичности ярлыка Селямет-Герая I [Фиркович, 1890, с. 61].

⁴ «Райи», «райя» – в Османской империи и в Крымском ханстве особое сословие с низким социальным статусом, подлежащее высокому налогообложению. В райю включалось все немусульманские подданные, независимо от своего социального статуса.

поблизости деревень, таким образом, аннулировав *седжилъ* (разрешительную записку), выданную караимам прежним кадиаскером и гласившую, что выгонная земля является их собственностью [Лашков, 1887, с. 5, 6, 39; Лашков, 1896-б, с. 86–88, 90].

О караимах того периода многие средневековые авторы также сообщают как об искусных торговцах и ремесленниках. Следует сказать, что занятие кожевенным ремеслом было особенно популярным среди караимов – караимские ремесленники были заняты во всех стадиях этого производства: от выделки грубых, или т.н. «мангупских» кож, до изготовления тонких сафьянов, седел, обуви, изделий из войлока. О том, что в хозяйстве у караимов преобладало кожевенное ремесло, обработка телячьих и козьих шкур, сообщали многие путешественники, в разное время побывавшие на полуострове, – турецкий автор Э. Челеби, французский глава миссии доминиканских монахов в Кафе Э. Портелли⁵ д’Асколли, Ж. Ромм, Ш. де Пейсонель [Челеби, 2008, с. 79, 80; Дортелли д’Асколли, 1902, с. 121; Петрова, Прохорова, 2009, с. 93, 119]. О занятиях караимов кожевенными промыслами свидетельствовали немецкий купец Н.Э. Клееман, ученые П.И. Кеппен и П.С. Паллас – последний указывал на то, что для выделки кож караимы использовали цистерны, вырубленные в скалах, в частности, Мангуп-Кале [Клееман, 2004, с. 168; Кеппен, 1837, с. 290; Паллас, 1881, с. 133]. При проведении раскопок в Чуфут-Кале были открыты два производственных комплекса по обработке шкур – один из них находится в естественном гроте между Кичик-Капу (Малыми Южными воротами) и Пенджере-Исар. К этому комплексу производственных сооружений относятся вырубленные на выступе скалы ямы прямоугольной формы. Вторая кожевенная мастерская была устроена в овраге под Кичик-Капу, где также были обнаружены высеченные в выступах прямоугольные ямы; датируется она XV–XVI вв. [Чижова, 2001, с. 86].

Необходимо подчеркнуть, что установленные ранее размеры пошлин, взимаемых с немусульманского населения, в частности, Чуфут-Кале, оставались неизменными довольно длительное время. Например, в фирманах, пожалованных ханами крымскотатарским беям, неоднократно упоминается о том, что представители караимской общины должны были платить соответствующие налоги за занятие кожевенным ремеслом. В ярлыке хана Бегадыр (Бахадыр)-Герая I, выданном им в 1637 г. одному из беев Яшлавских Джантемир-бею, подтверждалось, что последний может продолжать взимать подати с населения Чуфут-Кале «деньгами и произведениями со скота, овощей, вина, недвижимой собственности, с каждой души, с каждого заключенного брака» [Лашков,

⁵ В первых изданиях заметок доминиканца д’Асколли была допущена ошибка в написании имени монаха, перекочевавшая затем в более поздние публикации [Дашкевич, 1891, с. 172–181; Дортелли д’Асколли, 1902, с. 89–180]. Критические замечания к первым релициям были опубликованы в недавнее время [Eszer A., 1971, P. 181–234; Eszer A., 1972, P. 199–249].

1895-а, с. 75; Лашков, 1895-б, с. 88]. Кроме того, Джантемир-бей, как владелец Кырк-Йера, имел право взимать с подвластного ему населения следующие подати: «от убоя каждой скотины – 6 акче, от арбы с овощами – по 1 акче, от арбы с припасами или товарами – 4 акче, от бочки с привозимого или отвозимого (в Кыркор?) вина – 15 акче, а сверх того «подушные деньги» [Лашков, 1895-б, с. 88].

В годы правления хана Селямет-Герая I (1608–1610) т.н. «овечий сбор» составлял по 1 акче с каждого барана, а с других съестных продуктов «законной десятины – по одной десятой»; свыше этого хан запрещал беям взимать налог с караимов [Фиркович, 1890, с. 64]. В фирмане Менгли-Герая I, выданном Шахмурзе-бею (Шаган-бею) Яшлавскому в 1720 г., указаны размеры податей, взимаемые с жителей, занятых скотоводческим промыслом: «за производимый иудеями и армянами в Чуфут-Кале торг взимать <...> если будут заниматься резничеством скота и продажей говядины, то с каждой рогатой скотины взыскивать по шесть акче денег, с каждой овцы и козы – по одной акче <...> с подданных самого бея иудеев, армян и татар, – с привозимых ими в свое жительство кож, разного товара и кумача, какие позволятся им ввозить и в другие места, куда пожелают для продажи, – то с таковых должно брать по установленной пошлине» [Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28, 29]. Сырые кожи ввозились в Крым запорожцами (через Перекоп), а сухие – поставлялись из Астрахани и Аккермана [Историческое обозрение, б.г., с. 11].

Однако ситуация изменилась с приходом к власти хана Шагин-Герая (первое правление в 1777–1782 гг.; второе правление в 1782–1783 гг.). В 1777 г. денежный оброк, налагавшийся на все население ханства, «не выключая никаких народов», был повышен и заключался в выплате по 340 акче⁶ с каждого поля, которое можно было обработать за один день, по 2 пара⁷ за каждую овцу и по 6 пара – за единицу рогатого скота (этот налог платили не только представители немусульманского населения, но и сами крымские татары) [Сумароков, 1805, с. 30; Лашков, 1895-в, с. 108]. В 1780 г. ханский откупщик Абдул Хамит Ага и его помощники Аджи Мегмет, Мулла Омер и Мулла Ресул были наделены особыми привилегиями в соответствии с ярлыком, выданным им ханом Шагин-Гераем: «*ильтизамой*» (правом на откуп сроком на один год), позволяющим собирать «*ушуры-шерьи*» (особый налог, которым облагались «райи») с иудеев, жителей деревень Судакского, Мангупского и частично Кефинского каддыльков, с обитателей Чуфут-Кале – с обрабатываемых ими виноградников в долинах р. Бельбек, Кача и Альма 25 тыс. «гурушей⁸ в три срока по третям»,

⁶ При этом в ярлыке Шагин-Герая отдельно оговаривалось, что в каждом собранном «гуруше» должно было быть не менее 108 акче [Лашков, 1895-в, с. 108].

⁷ *Пара* – турецкая серебряная монета, бывшая в денежном обращении в Крымском ханстве в XVII–XVIII вв.

⁸ *Гуруш*, или *куруш* (араб. «гирш-гуруш», «кирш-куруш»; от слав. «грош») – общее название

а также с овец, «с рогатого скота так как и с мелкого не скотом, а деньгами по 9 коп. с каждой». Кроме того, им дозволялось «взыскивать со всяких посевов хлеба и от разных садовых плодов по урожаю, не включая сюда баштанов, улей и льна». Собственно, весь откуп был оценен для выплаты в 14 тыс. руб. Что касается использования самих обрабатываемых земель, то откупщик отдавал их в аренду и взимал плату, как уже было сказано выше, натурой: одна часть собранного урожая поступала в пользу хана, вторая – откупщику и третья – арендатору. Со скошенного арендатором сена откупщику также уплачивалась пошлина. Относительно пастбищных земель, существовавших в Крымском ханстве, следует сказать, что в годы правления хана Шагин-Герая установленные тарифы были таковыми: за выпас каждой овцы уплачивалась 1 коп.; с каждой лошади – по 10 коп.; с четырех верблюдов обязаны были отдавать одного барана или овцу, а за выпас 30 голов рогатого скота – одну двухлетнюю корову или быка [Лашков, 1896-а, с. 49]. Если же кто-либо, по словам самого хана Шагин-Герая, осмелился бы нарушить это распоряжение, тот должен был быть наказан «без упущения» [Лашков, 1895-в, с. 107, 108; Лашков, 1897-б, с. 41]. В 1782 г. общий налог «от овец и скота», поступивший в ханскую казну, составил 25 тыс. руб. (или 35 тыс. гурушей), причем содержали данный откуп ханский чиновник Мегмет Казнадар-Ага совместно с караимом Вениамином бен Самуилом Ага-Нейманом, управляющим ханским монетным двором [Лашков, 1897-б, с. 46].

Помимо лошадей, мелкого и крупного рогатого скота караимы разводили ослов, необходимых им для доставки на плато Чуфут-Кале воды, а также для верховой езды и перевозки различных грузов. Об этом свидетельствовал П.С. Паллас, причем в своем труде он замечал, что караимам было запрещено ездить на лошадях, и поэтому они использовали для верховой езды ослов, как и полагалось *зимми* (с араб.э *ахль аль-зимма*) – на территории государств, созданных мусульманами и живущих по законам шариата, немусульманские резиденты были обязаны признать господство ислама во всех сферах жизни общества и должны были уплачивать дань, *джизью*, но освобождались от уплаты *закята*, предназначенного для мусульман, и при этом находясь под защитой мусульманских законов. Зимми также называли *Ал аль-дхимма* (с араб. – «люди договора»), или *Ал аль-китаб* [Али-заде, 2007, с. 101, 102; Паллас, 1881, с. 82].

различных европейских серебряных монет, имевших хождение на Востоке. В частности, на территории Крымского ханства и в Турции западноевропейский (голландский, немецкий) талер назывался гуруш (грош). Впоследствии в Османской империи стали чеканить свой гуруш, равный 100 акче или 20 кара-бешлыкам (бешлык – монета в пять акче; кара-бешлык – фактически медный, с ничтожной долей серебра). В середине XVII в. один гуруш равнялся 80 акче (1 акче = 0,27 г серебра). До Шагин-Герая II гурушей в Крыму не выпускали, а вели на них пересчет в качестве денежной единицы. Счет также велся на «хасене» (1,5 гуруша), но такой монеты ни в Крыму, ни в Турции не существовало – под нею подразумевался западный талер. В 80-х гг. XIX в. ценность такого номинала, как «гуруш», составляла 20 коп. российскими деньгами [Бертье-Делагард, 1914, с. 163; Лашков, 1895-в, с. 111; Тунманн, 1991, с. 82].

Однако данное утверждение П.С. Палласа выглядит достаточно противоречиво на фоне текстов ханских ярлыков, где неоднократно упоминается о наличии у караимов лошадей и коней.

П.С. Паллас также сообщал, что на чуфут-кальском плато существовал «зверинец», в котором крымские ханы держали стадо благородных оленей (в 1799 г. их насчитывалось около 4-х десятков), и к ним были приставлены два надзирателя; при этом караимам запрещалось возводить на этом участке плато любые постройки [Паллас, 1881, с. 82; Лашков, 1897-6, с. 64].

Следует также заметить, что занятие караимов кожевенным ремеслом косвенно подтверждается и топонимикой полуострова. Так, например, плато Мангупа, на котором располагались караимский молельный дом, жилые кварталы и кладбище, до сих пор носит название «Табана-Дере» («Кожевенный овраг»), а прилегающий к нему мыс – Чуфут-Чеарган-бурун («Мыс вызова иудеев») [Кизилов, 2002, с. 114]. На западном склоне ущелья, рядом с одним из находящихся там источников было обнаружено расколотое корыто, выполненное из цельной известняковой глыбы. По предположению археологов, проводивших раскопки на Мангупе, это – т.н. «табана» (ванна), предназначенная для вымачивания кож [Герцен, 2000-6, с. 23]. Э. Челеби сообщал, что телячья кожа, изготавливавшаяся на Мангупе, была весьма популярна в Крыму [Челеби, 2008, с. 79]. Изделия крымских кожевников ценились очень высоко: в списках вывозившихся в XVIII в. через крымские таможни товаров фигурируют сафьяны (экспортировавшиеся в Турцию и Европу), юфть, «нечиненая кожа», кожа «деланная подошвенная», шагрени, кожаные туфли, башмаки и пр. [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12]. По свидетельству автора «Трактата о торговле на Черном море» французского консула в Крыму Ш. де Пейсонеля, торговля кожами и изделиями из них была весьма оживленной: «Желтые, красные и черные кожи потребляются на месте (т.е., в Крыму); большое количество их отправляется также и в Тамань для Черкесии: 20000 тура овечьих кож, называемых «mechin», а по французски «bazanes», окрашенных в желтый цвет, 10000 тура красных, 5000 тура черных и 20000 белых. Крым потребляет громадное количество этих кож для седел; много их идет также и в Черкесию» [Фелицын, 1891, с. 11].

Сведения о других промыслах караимов приводятся в ярлыках крымских ханов Хаджи-Герая I, Менгли-Герая I и Девлет-Герая I, датированных, соответственно, 864, 872, 883, 890 гг. хиджры (1460, 1466, 1479, 1486 гг. н.э.). Эти документы были переданы в 1911 г. в дар музею ТУАК потомком владельцев крепости Чуфут-Кале Кадыр-беем Яшлавским. В ярлыках (некоторые из которых были «тарханными», т.е., выданными конкретным лицам, по которым устанавливался судебный и налоговый иммунитет), жители Кырк-Йера и «местности Башлык» – мусульмане, христиане (армяне) и «ягуди» – «навсегда» освобождались от «сбора барашков», от несения постоянной, табачной, подводной, квартирной и прочих повинностей [Протокол, 1912, с. 26, 27].

Одним из наиболее распространенных в караимских общинах являлся винодельческий промысел. Сведения о том, что караимы занимались виноделием, также имеются в документах ханской администрации. Например, ярлыком 1590 г. для жителей Чуфут-Кале устанавливались такие пошлины: «с подводы винограда и фрукт 4 акче; <...> с привозимого евреями, армянами или другими христианами с Бельбека из своего виноградника вина, с бочки вина, отвозимого торговцами виноградом в Ст.[арый] Крым, Керчь, Гезлёв, Акмечеть и другие места, по 15 акче с каждой бочки». Далее в документе шла речь о том, что «если кто из жителей Кыркиера желает делать вино на Каче или на Альме на месте, то с каждого бочонка брать по 10 акче, а с каждой подводы винограда, который продается, по 7 акче». Устанавливались пошлины и на привозимые из Балаклавы, Гезлёва, Кафы и других населенных пунктов в Чуфут-Кале продукты виноделия: с каждого бочонка водки полагалось брать по 30 акче, а с бочонка вина – по 10 акче [Протокол, 1912, с. 27, 28]. О том, что в Крыму активно развивалось виноградарство, виноделие и садоводство, можно найти упоминание в записках путешественников. Так, М. Броневский сообщал, что в районе современного г. Инкермана имелись сады и виноградники, которыми, наряду с армянами и греками, владели представители крымских иудейских общин [Броневский, 1867, с. 341]. Э. Челеби отмечал, что находившиеся под Карасубазаром «бесчисленные виноградники» приносили неплохой урожай [Челеби, 2008, с. 151; Тунманн, 1991, с. 36], а Ш. де Пейсонель писал о том, что в Крыму в середине XVIII в. производилось «неимоверное количество» вина для экспорта – только в Черкессию поставлялось около 200–300 центнеров черного винограда [Фелицын, 1891, с. 24; Бахрушин, 1993, с. 327].

В фирманах, выданных Менгли-Гераем II в 1720, 1723 и 1724 гг. Шаган-бею Яшлавскому с разрешением последнему брать с населения различные подати, подтверждались ранее установленные тарифы на винодельческий промысел: «Если кто из ханских подданных будет возить с Бельбека бочками вино, то с каждой бочки взыскивать по пятнадцати акче <...> Если с Бельбека иудеи, армяне и прочие подданные будут возить со своих виноградников, то с таковых за бочку взыскивать по пятнадцати акча; кроме того, кто бы ни был с Бельбека или Альмы купит вино в подведомственных нам местах, то с таковых взыскивать с каждой бочки сто акче»; «от полной бочки вина, доставленной с р. Альма или Бельбека в ханские города, местечки ли деревни – 100 акче, <...> от каждой арбы, вывозящей виноград для продажи – 7 акче» [Лашков, 1895-б, с. 88; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28, 29]. П.С. Паллас свидетельствовал, что в Карасубазаре местные жители, «особенно евреи», с большой выгодой производили вино, для чего использовали выдолбленные в камне прессы (к сожалению, из приведенного фрагмента не совсем ясно, о ком именно шла речь – о евреях или караимах, т.к. путешественник различал эти конфессии, сообщив, что в городе проживало «до двухсот евреев, большей частью талмудисты»)

[Паллас, 1883, с. 39]. К концу XVIII в. на полуострове насчитывалось в среднем от 50 до 56 сортов винограда, а, по некоторым сведениям, на Южном берегу Крыма производилось от 100 до 360 тыс. ведер вина в год⁹ [Сумароков, 1803, с. 171, 173; Хартахай, 1867, с. 168, 169; Кондараки, 1875, с. 57–59]. Среди наиболее популярных виноградных сортов, выращивавшихся на полуострове на протяжении нескольких веков и популярных в Крымском ханстве, были такие, как: мавро-кара, резаки, халкие, тыртыр, кишмиш, хуш-юзум, аспро-стафили, кондоваст, ламбат-юзюм, хатын-пармак, аградья, тана-гоз (причем следует заметить, что у караимов весьма распространенной была фамилия Танагоз) [Кондараки, 1875, с. 57, 58]. Отметим также, что питейный откуп при Шагин-Герее находился в руках уже упомянутого Вениамина бен Самуила Аги-Неймана (с 1777 по 1783 гг. сбор был равен 35 тыс. руб., в том числе, в период с 1780 по 1783 гг. – 24 тыс. руб.); общий откупной сбор с «жидовских виноградных садов» близ Бахчисарая в 1777 и в 1783 гг. составлял по 1 тыс. руб. в год [Лашков, 1897-б, с. 41; Скальковский, 1841-а, с. 28]. То, что караимы продолжали заниматься винодельческим и питейным промыслом и после присоединения Крыма к России, подтверждается архивными материалами и документами российского законодательства XIX в. [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1, 2; ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 207, л. 1–62; Фиркович, 1890, с. 158]. В связи с вышесказанным утверждение Г.В. Сигаевой о том, что «караимы никогда не торговали спиртными напитками», следует считать ошибочным [Сигаева, 1998, с. 35].

Помимо кожевенного производства, виноградарства и виноделия, в караимских общинах занимались и другими промыслами. Среди караимов-ремесленников можно было встретить ювелиров, оружейников, каменщиков. По словам П.В. Никольского, четверть продукции ювелиров Бахчисарая, среди которых были караимы, крымские татары и цыгане, вывозилась за пределы Крыма [Никольский, 1924, с. 29]. В ханских ярлыках встречаются сведения о пчеловодстве, земледелии, огородничестве и рыболовстве; распространено было солеварение и чеканка монеты для нужд ханской казны.

Одним из популярных занятий среди караимов было пчеловодство. О том, что они приготавливали мед, упоминается, например, в ярлыке, выданном Менгли-Гереем I в 1485 г. на имя некоего Абрагама (иск. Авраам) – вероятно, караима или еврея-раввиниста: в одном фрагменте вместе с солью и краской, а в другом – наряду с вином, как предметы торговли, не облагавшиеся налогом; этим документом запрещалось брать налог и с т.н. «пчелиного дела» [Смирнов, 1918, с. 13]. В ярлыке Девлет-Герая I, относящемся к XVI в., указывается, что «с медовых ульев-плетенек да взимают по два ханских акче» [Самойлович, 2000, с. 207, 208]. В тарханном ярлыке, который был дан в 1608 г. Селямет-Гереем I

⁹ Согласно данным статистики, к концу XIX в. общее количество произведенного в Таврической губернии вина равнялось 2 млн. 6 тыс. 500 ведрам на общую сумму 3 млн. 31 тыс. руб. [Памятная книжка, 1889-б, с. 55].

караимам Чуфут-Кале, упоминаются пчелиные ульи: «С медовых ульев да взимают по два ханских акче с коробки» [Фиркович, 1890, с. 64; Самойлович, 2000, с. 207]. О том, что караимы занимались пчеловодством, косвенно свидетельствует и ярлык 1590 г. – в нем Яшлавским беям ханом было разрешено взимать с представителей немусульманского населения т.н. «брачную подать». Право на этот вид налога гласило: «Если устраивается свадьба у армянина или еврея, братъ, по старым законам, один батман (6 окк¹⁰) меду, но если не дают, не принуждать» [Протокол, 1912, с. 27; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 29]. В ярлыке хана Бегадыр (Бахадыр)-Герая I, выданном им в 1637 г. Джантемир-бею Яшлавскому, подтверждалось, что последний может продолжать взимать подати с населения Чуфут-Кале «деньгами и произведениями со скота, овощей, вина, недвижимой собственности, с каждой души, с каждого заключенного брака», причем за каждый совершаемый немусульманами брак Джантемир-бей получал подарок деньгами или же медом на сумму в 120 акче [Лашков, 1895-а, с. 75; Лашков, 1895-б, с. 88].

В XVIII в. в финансовых ведомостях ханского двора существовала отдельная статья о взимании доходов «с пчеловодства и садов» – с 1780 по 1783 гг. полученная сумма составила 900 руб. в год [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 8], а с одного улья взималось уже по 4 коп. [Лашков, 1897-а, с. 27]. Кстати, откупной сбор за продажу восковых и сальных свечей в Бахчисарае в 1777 г. был отдан некоему «жиду Бабию жителю бахчисарайскому» (вероятно, речь идет о караиме по имени Бабакай), который должен был отдавать налога ежегодно по 50 руб. (в «Камеральном описании Крыма» 1784 г. сообщалось, что «сию сумму внес он сполна в ханскую казну») [Лашков, 1897, с. 42].

Соляной промысел в Крымском ханстве приносил основной коммерческий доход, т.к. он был связан непосредственно с добычей и продажей соли с лиманов и озер [Дружинина, 1955, с. 59]. Данные о том, что караимы занимались продажей соли, приводятся уже в ханском ярлыке 1485 г. [Смирнов, 1918, с. 13]. Сам же соляной промысел принадлежал либо хану, либо сдавался на откуп чиновникам и представителям османской администрации Кефинского эйялета. Право на доходы с добычи соли на Перекопском и Евпаторийском озерах принадлежало крымскому хану как регалии, а на Керченском озере она находилась в ведении калги-султана, который сдавал этот промысел поставщику своего двора. Гезлѳвский промысел вместе с таможенной отдавался на откуп одному, а Перекопский (вместе с ханским монетным двором) – другому промышленнику [Памятная книжка, 1889-а, с. 4, 5]. В тех случаях, когда добыча значительно превышала спрос, таможенный откупщик имел право платить за все товары солью по цене, какую он сам назначал [Скальковский, 1853, с. 477]. Собранная с озер соль складывалась в т.н. бугры («кебе») по сто «сапов» каждый

¹⁰ Окка – мера веса в Крымском ханстве (1 окка – 1283 грамма).

(1 сап – 108 пудов) и продавалась, в зависимости от спроса, от 4 до 6 пиастров за сап. Французский консул барон Тотт, посетивший перекопские соляные озера в 1767 г. и наблюдавший процесс добычи соли и ее продажу, заметил, что «торговля эта в руках евреев и армян <...> Никаких зданий для собранной уже соли здесь не строится; она просто сваливается в кучу и потом часто совершенно пропадает от дождя» [Татарчевский, 1873, с. 8, 9, 17]. Доходы от продажи соли в Крыму поступали непосредственно в ханскую казну – с 1777 по 1783 гг. прибыль по этой статье доходов «с Перекопских соляных озер и таможни» составляла 85 тыс. руб. в год, а «с продажи соли для крымских жителей» – до 3 тыс. руб. в год. Суммы, поступавшие с кефинской таможни, «с соляных озер» и «городов», составляли 75 тыс. руб. в год (эта статья подразумевала соль, добытую в озерах близ Гезлёва и Керчи) [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 3, л. 2]. В 1779 г. «с отдаваемой на откуп для продажи в городах соли» сам откуп в сумме 3 тыс. руб. держал некто Авраам (вероятно, караим или еврей-раввинист) [Лашков, 1897-б, с. 43].

Следует также заметить, что уже к середине XIX в. большинство соляных источников полуострова принадлежало или находилось в аренде у представителей караимских общин Таврической губернии. Например, в Евпаторийском уезде добычей соли занимались крупные караимские предприниматели, такие, как: Ага, Тонгур, Нейман, Ефетович, Шишман, Ходжаш, Кискачи, Айваз, Кальф, Танагоз, Гелелович; в Перекопском уезде – Сарач, Айваз, Ходжаш, Сарибан, Кефели, Бабаджан; в Феодосийском – Комен, С. и Е. Крым, С. и Ф. Бабаджан и др. [Ханацкий, 1867, с. 440, 441; Памятная книжка, 1889-а, с. 11, 13, 15].

Помимо зерновых и винограда, в Крымском ханстве культивировался лён (особенно в районе Алушты), который очень дорого ценился и шел на экспорт [Бахрушин, 1993, с. 327]. В 1723–1724 гг. Шах-мурзе-бею (Шаган-бею) Яшлавскому было позволено взимать с жителей Чуфут-Кале «от каждого воза, доставляющего фрукты и лен – 1 акче, от каждой мажары (воз), отвозящей лес и купеческие товары в Феодосию, – 2 акче» (пошлина на ввоз в Чуфут-Кале фруктов, провизии и «других произведений для продажи» составляла 4 акче) [Лашков, 1895-б, с. 88; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28]. Директор ханского монетного двора Абдул Хамит-Ага в 1780 г. имел право сбора десятины с виноградных и фруктовых садов Судакского и Мангупского кадылыков, а также с «овощных произрастаний, табака и льна, в Крыму сеяных» (причем сбор осуществлялся только с представителей иудейского населения) [Лашков, 1897-а, с. 27]. Например, за доставку льна в Чуфут-Кале полагалось взыскивать «с христиан и каждой лошади по 1 акче»; в 1780 г. пошлинный сбор в Карасубазаре с 1 окка крымского льна составлял 2 пара [Лашков, 1897-б, с. 40; Маслов, Миллер, Никольский, 1930, с. 28]. В списках товаров, ввозимых в крымские порты, фигурирует и лён, поставлявшийся из Турции, – на Кафинской и Гезлёвской таможнях, а также и на Перекопской пошлина взималась товаром в размере 5% [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12; Скальковский, 1841-а, с. 31]. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что караимы, наряду с представителями других немусульманских конфессий, осуществляли торговые операции, связанные с привозившимся в места их проживания льном (как крымским, так и турецким).

В ярлыках крымских ханов содержатся важные сведения, которые дают основание утверждать, что уже в средневековье среди караимов было немало садоводов. Наиболее распространенным занятием садоводство было в районе средней полосы долины р. Качи, а также при д. Шуры (ныне – с. Кудрино Бахчисарайского р-на) [Симиренко, 2001, с. 474]. Эти сады принадлежали караимской общине Чуфут-Кале, и к середине XIX в. их возраст насчитывал не менее 200 лет (при этом они несколько раз обновлялись молодой посадкой). Кроме того, следует заметить, что, судя по некоторым сохранившимся выпискам из кадиаскерских сакков (книг судебных решений, или дефтерий), принятых кадиями различных округов Крымского ханства в XVII в., часто владельцами одного сада или земельного участка могли быть одновременно и крымские татары, и караимы [Лашков, 1896-б, с. 80].

Путешествовавший по Крыму в 1805 г. П.И. Сумароков заметил, что «бахчисарайские караимы почитаются у нас первейшими садоводами» [Сумароков, 1805, с. 18]. По словам крымского помолога Л.П. Симиренко, у караимов даже существовала такая поговорка: «Если кто владеет фруктовым садом при Шуре, виноградником при Альме, стадом овец в степи, а в Чуфут-Кале собственным домом с пещерою на скалистом дворе, то чего ему еще нужно?» [Симиренко, 2001, с. 474]. К концу XVIII в. в Крыму насчитывалось 37 сортов грушевых деревьев, 17 яблоневых, 18 сливовых и 10 сортов черешни; выращивали также айву и орехи [Хартахай, 1867, с. 168, прим. 3; Радде, 2008, с. 70]. Известный крымовец В.Х. Кондараки в своем «Универсальном описании Крыма» упоминал о том, что у караимов-садоводов одним из наиболее популярных пород фруктовых деревьев являлась шелковица, несколько сортов которой были завезены на полуостров еще во времена Крымского ханства [Тунманн, 1991, с. 16; Кондараки, 1875, с. 52, 53].

Однако наиболее выгодным среди караимского населения Крыма считалось занятие торговлей, одним из основных предметов которой являлась продукция местных ремесленников. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. значительное число ремесленников в Крымском ханстве составляли греки, турки, армяне, греки, евреи и караимы [Тунманн, 1991, с. 27; Броневский, 1867, с. 357]. До присоединения полуострова к России в XVIII в. торговая деятельность караимов была сосредоточена, в основном, в Бахчисарае. В записках путешественников, посетивших этот регион в XVII–XVIII вв., неоднократно упоминается о том, что администрация ханского двора запрещала караимам оставаться в столице на ночь. Поэтому торговцы и ремесленники вынуждены были рано утром спускаться с чуфут-кальского плато, чтобы успеть продать свой товар, а в сумерках возвращаться

обратно [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 119]. Э. Челеби писал в 1666 г.: «Все еврей-лавочники и богатые иудейские купцы Бахчисарая Крымской страны живут в этой Чуфут-Кале и в крепости Мангуп. Каждое утро они спускаются вниз из этой крепости и добираются до своих лавок в Бахчисарае за один час» [Челеби, 2008, с. 82, 83].

Что касается товаров, которыми торговали караимские купцы, то они отличались большим разнообразием. Русский посол в Крыму Василий Айтемиров упоминал о том, что в XVII в. караимы в Бахчисарае вели торговлю халатами (кстати, для мероприятий, связанных с приемом Екатерины II во время ее визита в Крым в 1787 г. материалы для отделочных работ, а именно, сафьян, сукно, тафта в походных дворцах, предназначенных для императрицы и ее свиты, приобретались у бахчисарайских купцов) [Список с статейного списка, 1895, с. 45; Маркевич, 1891, с. 123]. Посетивший Бахчисарай в 1799 г. П.И. Сумароков сообщал, что караимы «первые в том городе купцы, и отправляют в нем торг лучшими Цареградскими товарами; иные же из них промышленяют разными ремеслами» [Сумароков, 1805, с. 145]. По свидетельству Н.В. Берга, часть улицы в Бахчисарае, на которой располагались торговые ряды караимов, назвалась «базырян-сурасы» – т.е., «красный ряд», лавки настоящих купцов [Берг, 1857, с. 7, 19]. По сведениям П.С. Палласа и Н.Э. Клеемана, среди центров ремесленного производства, существовавших в Крыму в конце XVIII в., наиболее значительными считались сафьяновые фабрики и кожевенные заводы в Бахчисарае и Карасубазаре – из числа «принадлежащих татарам, жидам или грекам»; там же находилось множество свечных и мыловаренных фабрик, мастерских кирпичников, кузнецов, черепичников [Клееман, 2004, с. 168; Паллас 1883, с. 39]. Кварталы торговцев мануфактурными товарами («базиргянлар-ичи»), расположенных в Бахчисарае на месте прежних караван-сараяв, были заняты почти исключительно караимами, греками и армянами [Никольский, 1927, с. 20].

Торговля велась, в основном, мануфактурными товарами, привозившимися из стран Западной Европы и Турции: здесь можно было приобрести французские (в частности, марсельские), голландские и польские сукна и камлоты¹¹; парчу, шелк и атлас доставляли из Венеции; шелк везли также из Хиоса, а «ярко-малиновые бархаты – из Бруссы и Константинополя, ковры – из Смирны и Салоник» [Никольский, 1927, с. 21]. Галантерейные товары были представлены различными нитками для вышивок, позументами, иголками из Голландии и Франции; хрусталь, стекло и зеркала ввозились из Польши, Германии, Венгрии и Венеции [Фелицын, 1891, с. 10; Никольский, 1927, с. 21; Петросян, 1990, с. 132, 133].

В XVIII в. для ханского двора и дворов знатных беев закупались предметы

¹¹ Камлот – шерстяная, а с XIX в. – хлопчатобумажная ткань, дорогие сорта которой ткали из верблюжьей или ангорской шерсти с примесью шелка. Название происходит от греческого «верблюду».

роскоши – позолоченные алебарды, музыкальные инструменты, жемчуг, кармин, белила, румяна, а также люстры, дорогая посуда и аптекарские снадобья. Среди основной массы населения были популярны шерстяные и бумажные ткани, фаянс, краски для волос, табак (курительный и нюхательный; причем, по свидетельству И.В. Зайцева, распространение эта культура в Крыму получила только с XVII в.), а также курительные трубки [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 2, л. 1–12; Никольский, 1927, с. 21; Бахрушин, 1993, с. 333; Зайцев, 2004, с. 372, 373].

Из продуктов сельского хозяйства в Крым ввозили: рис из Филиппополя, сушеные фрукты из Анатолии, лимоны и апельсины из Хиоса, вино, водку, инжир, «коренья пряного», маслины, пшено, чай, кофе, оливки, сахар-рафинад (причем сахар не облагался пошлиной), сыр из России и Румелии. Коровье (сливочное) масло и пушнину привозили на полуостров запорожцы, увозя из Крыма соль, серые смушки, овечью шерсть, изделия бахчисарайских и карасубазарских ремесленников из сафьяна, а также вино и водку. Предметами экспорта в торговых операциях Крымского ханства с Запорожской Сечью служили: конская сбруя (уздечки, епанчи, стремена и седла), стрелы, луки, сабли и пр. [Скальковский, 1841-б, с. 112, 116]. Оживленной была торговля металлами – например, железо для внутреннего рынка Крымского ханства завозилось из Германии, Польши, Румелии и России, медь – из Трапезунда, латунь – из Польши, сталь – из Венеции; поставлялась также и ртуть [Никольский, 1927, с. 21; Барабанов, 1993, с. 280, 283, 284; Историческое обозрение, Б.г., с. 11; ГААРК, ф. 802, оп.1, д. 3, л. 1–12; Прохоров, 2001, с. 396]. В Крым импортировался свинец, железные косы из Германии и бумага – эти товары пользовались повышенным спросом [Фелицын, 1891, с. 11].

Торговая деятельность в Крымском ханстве облагалась соответствующими налогами. Сведения об этом приведены в ханских ярлыках, фирманах и бератах (указах). В ярлыке 1590 г. указывается на то, что Яшлавские беи могли взымать «с привозимого в Кыркиер товара по 1 акче с каждой лошади <...> Определенные законом пошлины брать с жителей Чуфут-Кале и других мест, отправляющих товары в другие города, с проданного товара. Также брать пошлины с привозимого товара из Балаклавы, Гезлёва и других мест <...> Если из Москвы и Польши кто привезет товар, взыскивать по старым законам пошлины» [Протокол, 1912, с. 27, 28]. Как сообщал В.Д. Смирнов, крымский хан Сахиб-Герай I просил турецкого султана разрешения установить для торговцев-немусульман такой размер подати: с каждого продаваемого горшка масла – по 1 акче; с каждого дома – по 2 акче и за каждый ярлык – по 4 акче [Смирнов, 2005, с. 313].

Необходимо также упомянуть и том, что Чуфут-Кале – основной центр проживания крымских караимов – входил в состав султанского домена, или Кефинского санжада (эйялета). В Крыму под названием «санджак» подразумевалось четыре района, на которые была разделена подвластная туркам

часть полуострова¹². Прибрежная часть полуострова (Южный берег Крыма), Керченский и Таманский полуострова находилась в подчинении у турецкого султана и образовывали санджак, который носил название «Кефская лива». Во внутренней, степной части Крымского полуострова расположилось непосредственно Крымское ханство. Согласно установленной еще в 1478 г. юрисдикции, десятая часть доходов «со всех произведений земли» уплачивалась в пользу османской администрации [Лашков, 1896-а, с. 42]. При этом путешественники, посетившие полуостров, отмечали тот факт, что обитатели подчиненных османам населенных пунктов стремились, во избежание уплаты обременительного налога, перейти под власть крымского хана (в первую очередь, это касалось жителей Кафы, а также близлежащих населенных пунктов) [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 120].

Согласно данным, собранным в «Камеральном описании Крыма», городской пошлинный сбор в Бахчисарае, Ак-Мечети и Карасубазаре в 1783 г. был отдан Мегметшой-беем Ширинским на откуп «жидам Моше и Шепетие в год за 1500 руб.» (можно предположить в указанных лицах караимов Моисея и Шаббетая); «крымскому жиду Мошию» была также отдана на откуп земля, оставшаяся после выселения с территории полуострова в 1778 г. 31386 чел. христианского населения (выплата налога с этой земли составляла 400 руб. в год) [Лашков, 1897-а, с. 27; Лашков, 1897-б, с. 37].

Важно отметить и тот факт, что караимы, занимавшиеся ремеслом и торговлей, подчинялись строгой цеховой организации, существовавшей в крупных торговых центрах Крымского ханства. По данным, приведенным Э. Челеби, в Кафе проживали «искусные мастера 167-ми ремесел»; в Гезлэве (внутри города и вне его) насчитывалось 670 лавок, в Карасубазаре – 1140, а в Бахчисарае – до 1100 лавок¹³ [Челеби, 2008, с. 57, 107, 149, 186]. В свою очередь, П.С. Паллас сообщал, что в Бахчисарае имеется 517 лавок (из них: «121 лавка с шелковыми и другими красными товарами, 41 лавка с седлами и другими кожаными вещами, очень красивыми; лавок со съедобными вещами 135, с обувью 24; 23 лавки, где продаются татарские ножи <...> 5 лавок с котлами и металлической посудой; 10 цырулен; 19 лавок портных, 6 серебряников, 5 оружейных мастерских, 8 башмачников, 9 лавок с деревянной посудой и другими лесными

¹² Владения турецкого султана (лива Кефе) составляли следующую территорию: юго-западная часть Крымского полуострова, устье реки Бельбек, верховья рек Альма и Кача, и далее, по склонам Крымских гор, весь Южный берег, Керченский полуостров и Таманский полуостров (Тамань, Азов). Лива Кефе состояла из Мангупского кадылыка, который занимал юго-западную часть Крымского полуострова и западную часть Южного берега; кроме того, под юрисдикцию османской администрации попадали Мангупский, Еникальский, Судакский и Кафинский кадылыки [Курникова, 2008, с. 130–139; Курникова, 2009, с. 162; Пейсонель, 2009, с. 31].

¹³ Весьма вероятно, что приведенные Э. Челеби цифры не совсем достоверны, т.к. многими исследователями отмечалось, что количественные данные в записках путешественника не всегда заслуживают доверия и зачастую преувеличены.

поделками, 5, где делают шерстяные канаты и другие веревки, 8 бондарен, 7 лавок с бурками, плащами от дождя и пр. 4 горшечника, 8 лавок с трубками и чубуками, 20 пекарен, 13 кожевенных заводов, 6 кузниц, 13 лавок, где продается крепкий напиток, приготавливаемый татарами из проса (буза), 13 свечников и 7 лавок, где производится резная работа по дереву»¹⁴, а в Карасубазаре – 310 лавок, причем в Бахчисарае проживало 1162 еврея, из них 420 чел. являлись купцами (в то же самое время в Чуфут-Кале обитало, по свидетельству П.С. Палласа, 1200 караимов, которые занимались торговлей, ремеслами и «имели свои фабрики»), а в Карасубазаре насчитывалось «до 200 евреев, большей частью, талмудистов» – следовательно, часть из них составляли караимы [Паллас, 1881, с. 77, 81; Паллас, 1883, с. 38].

Любопытные сведения о ремесленных кварталах Карасубазара и его жителях сообщал русский путешественник А. Демидов: «По восточному обычаю, промышленники каждого рода собираются вместе в один квартал города. Здесь – съестные припасы; далее – произведения чужестранцев; потом, в свою очередь, шерсть, такни и неизбежные папуши (туфли) <...> Многочисленные кофейни соединены на одной улице, которая всех шире и ровнее. <...> Располагаясь на диване, который окружает небольшое пространство, с жаровней посередине и множеством туфель по сторонам, Татары, Армяне, Караимы просиживают здесь по целым часам и молча курят табак из своих длинных черешневых трубок» [Зеленецкий, 1844, с. 449].

В Крымском ханстве были установлены определенные правила, регламентирующие деятельность ремесленников. Например, в конце XVIII в. в Карасубазаре действовали особые пошлинные сборы: с малярных мастеров взималось по 66 пара и 2 акче в год, с цеха шапочников – 600 пара, а с каждого шапочника сбор составлял 8 пара. С лавок хлебников взималось по 6 пара и 2 акче ежегодно, а с лавок пирожников – по 5 пара в месяц; с лавок красильщиков – по 20 пара в месяц с каждой, а с «завода мешинного» – ежемесячно по 5 пара. Кроме того, с каждой лавки ремесленников существовал и отдельный сбор – по 2 акче в неделю [Лашков, 1897-в, с. 42].

¹⁴ Для сравнения – в середине XIX в., по сведениям Ф.М. Домбровского, население Бахчисарая составляло 13 тыс. 313 чел. Из них татар, цыган и турецко-подданных было 11 тыс. 121 чел.; православных – 1089 чел. (из них 908 греков, 181 русских, 835 караимов, а также небольшое число евреев-раввинистов, армян и лиц других национальностей). Жилых домов в городе насчитывалось 2218, лавок – 303, фабрик и заводов (в основном, кожевенных и мыльных) – 23, постоялых дворов – 7, кофейен – 20, винных погребов и питейных домов – 19, харчевен – 17, трактиров – 2 [Домбровский, 1848, с. 390–394]. Однако, что касается числа караимов, то приведенная Ф.М. Домбровским цифра в 835 чел. вызывает сомнение, т.к. в 1843 г., по сведениям, представленным Бахчисарайской Городской думой, в Бахчисарае и его пригородах проживало 534 караима, плативших подушную подать, а в 1857 г. в Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) сообщалось газзаном, что в бахчисарайской караимской общине насчитывается 513 чел. (208 муж. и 305 жен.) [Белый, 2001, с. 376].

Среди продукции ремесленников в Крымском ханстве были популярны изделия войлочников, оружейников, слесарей, медников, лудильщиков, токарей, а также ткачей и «торваджи» (изготовителей торб для лошадей), причем продукция караимских вышивальщиков и войлочников признавалась одной из самых лучших. Особым спросом пользовались изделия караимских мастеров орнаментального шитья золотной нитью по плотным тканям – т.н. «кас-нак»). Нужно отметить, уже после присоединения Крыма к России ремесленники при изготовлении караимских вышивок сохранили многие приемы, существовавшие еще в эпоху Крымского ханства (например, использование в шитье т.н. «тамбурной» техники, которая в XIX в. уже исчезла с вышивок крымских татар) [Чепурина, 1938, с. 40, 41, 44, 56, 57, 59, 60, 62, 63; Рославцева, 2000, с. 61, 65]. Интересно, что когда правитель Таврической области В.В. Коховский руководил мероприятиями по организации визита императрицы Екатерины II в Крым, то для изготовления походных шатров, предназначенных для отдыха императорского кортежа, им были привлечены две армянки и «до 10 человек евреев» (к сожалению, из текста документа неясно, были ли это еврей-раввинисты или же караимы) [Письма, 1877, с. 271].

Во главе каждого ремесленного цеха стоял главный мастер («уста-баши»), у которого были два помощника («гигит-баши» и «чауш»); в состав цеха входили: мастер («уста»), подмастерья («калфа», или «кальфа») и ученики-мальчики («шергит») [Хартахай, 1867, с. 172, 173; Желтухина, 2002, с. 163–168]. Посвящение в мастера и избрание администрации цеха осуществлялось на специальных праздниках («теферучах») в честь покровителей ремесел («пиров»), обычно проходивших вблизи от города (например, бахчисарайские ремесленники собирались в нескольких километрах от города, в долине р. Качи) [Никольский, 1927, с. 22]. На подобных церемониях устраивались различные увеселения и раздавалось угощение, часто рассчитанное на несколько тысяч человек. Следует отметить тот факт, что к бахчисарайским цехам принадлежали ремесленники, проживавшие в других городах и деревнях; к их числу относились не только крымские татары, но и караимы, греки, армяне и др. [ГААРК, ф. 64, оп. 1, д. 549, л. 14].

Важную роль в экономической жизни Крымского ханства в XV–XVII играла и работорговля. Несомненно, экономика Крымского ханства, особенно в указанный период, во многом опиралась на торговлю рабами, основными центрами которой на полуострове являлись Кафа и Гезлѐв. Ценные сведения о работорговле в Крыму в XV в. содержатся в записках Перо Тафура: по его словам, в 1438 г. в Кафе продавались «рабы мужского и женского пола больше, чем где-нибудь еще в мире» [Галенко, 1996, с. 179]. Использование труда рабов в караимской общине Кафы фиксируется источниками XVI в. Так, в 1542 г. в турецких дефтерах упоминается о шести женщинах-рабынях, принадлежавших кафинским караимам [Галенко, 1998, с. 59]. По свидетельству

монаха Доминиканского ордена Жана де Люка (Джиованни Люка), посетившего Крымский полуостров между 1620 и 1640 гг., в Кафе, Карасубазаре, Гезлёве и Бахчисарае торговлю рабами вели турки, арабы и «еврей-караимы» [Описание, 1879, с. 482, прим. 57]. Довольно часто в источниках упоминается о посреднической роли евреев-раввинистов и караимов в финансовых операциях, связанных с выкупом рабов из плена, – например, М. Броневский указывал, что русские послы, приезжавшие в Крым для выкупа пленных, привлекали в качестве посредников подкупленных ими евреев и татар, предлагавших за рабов цену, которая была намного ниже установленной рабовладельцем, а также свидетельствовал о том, что рабов приобретали и купцы-евреи [Броневский, 1867, с. 363; Kizilov, 2007, p. 5]. Причем, следует подчеркнуть, что экономический фактор в вопросе работорговли для караимов был преобладающим; выводы ряда авторов о якобы «великодушии» караимов, бескорыстно выкупавших рабов из неволи, следует признать малоаргументированными и не выдерживающими серьезной научной критики [Baranowski, 1938, s. 10, 11; Baranowski, 1947, s. 51, 52; Kizilov, 2007-a, p. 3, 4].

В источниках сохранились сведения о том, что караимские купцы в XVI–XVII вв. неоднократно участвовали в выкупе рабов из плена: например, крымский купец-караим Обрагим (иск. Авраам или Ибрагим) выкупил еврея по имени Зачек (иск. Исаак) из г. Каменца с условием возвращения ему денег с процентами; в 1614 г. караим Абрахам бен Бераха выкупил пленника Мамай бен Мохаммеда за 120 флоринов также с условием возврата указанной суммы. В российских архивах упоминается о том, что донской казак Иван (Ивашко) Вергуненок, захваченный в плен татарами во время набега ок. 1640 г., был продан караимскому купцу в Кафе, а затем выкуплен крымским ханом и содержался в крепости Чуфут-Кале [Kizilov, 2005, p. 211–235; Kizilov, 2007-a, p. 6, 9; Kizilov, 2007-b, p. 1–31].

Факты передачи невольников представителям иудейских общин Мангупа подтверждены также более поздними записями, сделанными в книге решений кадиаскерского суда Мангупского кадылыка (1686–1710 гг.). Например, житель дер. Кокоз мушир Абдул Бахи-ага в счет долга отдал жителю Мангупа Моисею (караиму или еврею-раввинисту) нескольких невольников – двух черкешенок (за 10 тыс. акче), русских мальчика и мужчину, и др.; другой мангупский житель Юфуда получил от этого же мушира в счет долга в 120 эсти черкешенку [Маркевич, 1910, с. 532]. О покупке рабов караимами свидетельствовал и В. Айтемиров – он описывал свою встречу в Чуфут-Кале с невольником из г. Лубны, купленным караимом у крымского татарина [Список, 1895, с. 44; Маркевич, 1910, с. 532; Галенко, 1998, с. 50–55; Кизилов, 2003, с. 126]. Безусловно, следует с большой осторожностью относиться к изложенным в письменных источниках фактам, не упуская из внимания того обстоятельства, что встречающийся в них термин «еврей» может быть интерпретирован двояко и обозначать как караимов, так и евреев-раввинистов.

О занятиях крымских караимов в эпоху средневековья могут свидетельствовать их фамилии. Например, фамилия Казас на караимском языке означала «басонщик, позументщик» (изготовитель кушаков и позументов, гайтанов¹⁵ и принадлежностей костюма; торговец шелком), Таббах – кожевник, Колпакчи (Калпакчи) – шапочник, Сарач – шорник (изготовитель седел, уздечек, предметов конской упряжи), Сиказан – чеканщик монет, Балджи – пасечник (продавец меда), Мумджи – пчеловод, Джамджи – стекольщик, Койчу – овцевод, Чореф – ювелир, Максимаджи – изготовитель бузы, Мехамаджи – продавец вина, виноторговец, Сараф – меняла, Экмекчи – пекарь, Арабаджи – возчик, Пенерджи – продавец брынзы, Гаммал – носильщик, Креметчи – черепитчик и т.п. [Герцен, Могаричев, 1993, с. 98; Кокенай, с. 5–11; Полканов, Полканова, Алиев, 2005, с. 39; Mardkowicz, 1934, s. 21–24; Sulimowicz, 2004, s. 3–5].

Привилегии, которые получали караимы от крымских правителей, распространялись также и на их административную и коммерческую деятельность. Например, сведения о том, что монетное дело в Крымском ханстве находилось в ведении откупщиков-караимов, сообщал в своем «Описании Крыма» польский писатель и дипломат Мартин Броневский, посетивший полуостров в XVI в. [Броневский, 1867, с. 359, прим. 2]. О том, что чеканкой монеты в ханстве занимались караимы, свидетельствуют также археологические находки и нумизматические данные. Некоторое время монетный двор находился в Чуфут-Кале; кроме того, монетные дворы существовали также в Старом Крыму, Гезлёве и Кафе [Броневский, 1867, с. 336, 359, прим. 2; Ретовский, 1897, с. 57, 58; Кизилов, 2004-б, с. 275].

М. Броневский также упоминал о том, что караимы не только чеканили ханскую монету, но и занимались переплавкой турецких серебряных аспров, добавляя в сплав медь, и поэтому такую монету именовали «гуруш» (т.е., «гнилая») [Броневский, 1867, с. 359, прим. 2]. Очевидно, подобная порча монеты происходила по прямому указанию самих ханов, т.к. именно этот способ позволял преодолеть последствия экономического кризиса, связанного, в частности, с дефицитом драгоценных металлов во всей Европе в первой половине XVI в. По мнению ряда авторов, появление в монетном обращении Крымского ханства меди явилось следствием ориентации на турецкие стандарты, где медная монета занимала прочное место [Дортелли д'Асколли, 1902, с. 115, 169, прим. 78; Чореф, 2001, с. 432, 434; Чореф, 2007, с. 157; Чореф, 2008, с. 265–281]. Ш. де Пейсонель отмечал, что изготовление ханской монеты отдавалось на откуп, соединенный с откупом солеварень на Перекопе, – эти откупы, как правило, находились в руках армян или евреев [Пейсонель, 2009, с. 37].

По данным, приведенным А.А. Новосельским в монографии «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», эмином

¹⁵ Гайтан – украшение в виде бисерного шнура или плетеной тесьмы из тонких ниток.

(управляющим) монетных дворов калги-султана Казы-Герая и нуреддина в 1644 г. являлся «еврей Берека» (как считает М.Б. Кизиллов, это был караим Бераха из Чуфут-Кале) [Новосельский, 1948, с. 333; Кизиллов, 2010, с. 77]. Управляющим финансами и заведующим монетным двором при хане Селим-Герая I был Исаак Челеби, занимавший также почетную должность «дюнбендор-аги» – хранителя головного убора хана; при ханах Крым-Герая и Шагин-Герая управляющим финансами был потомок Исаака Челеби Самуил бен Авраам бен Иосия Челеби-Синани (хан Крым-Герай, особенно отметивший честность, опыт и способность в исполнении возложенных на него поручений, назначил караимского купца на указанную должность 7 октября 1768 г.) [Фиркович, 1890, с. 104, 105], а приемником стал сын Самуила Челеби-Синани Вениамин бен Самуил Ага-Нейман¹⁶; эмином монетного двора Шагин-Герая в Кафе (расположенного в урочище Ташлык) был Юсуф (Иосиф) Ага-Нейман (в 1778 г.) [События, 1856, с. 102; Фиркович, 1890, с. 104, 105; Ельяшевич, 1993, с. 71, 72; Г.С., 1918, с. 5]. С 1780 по 1783 гг. ханским монетным двором было отчеканено монет на общую сумму в 98211 руб., а за вычетом издержек на металл и машины чистая прибыль составила 53211 ханских руб. (или 17737 русских руб.) [ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 3, л. 50; Скальковский, 1841-а, с. 30].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство членов крымских караимских общин с момента своего появления на Крымском полуострове составляли ремесленники и купцы. Это было вызвано, прежде всего, тем, что в начале XV в. крупными торгово-административными центрами в Крыму на Шёлковом пути из Азии в Европу оставались Солхат и генуэзская Каффа – для крепнувшей в экономическом плане столицы крымского улуса Золотой Орды Солхата, активно строившегося и разраставшегося, требовалось значительное число ремесленников различной специализации. Кроме того, Солхат являлся для каффинского купечества конечным пунктом следования караванов из Китая и Средней Азии, а товары из Солхата через Каффу морем отправлялись на запад.

¹⁶ Вениамин бен Самуил Ага-Нейман, по словам Б.С. Ельяшевича, был родоначальником караимской фамилии «Нейман» (дословно – «верный, честный»). В переводе с иврита Нейман (Неэман, Нееман) означает доверенное лицо общины, в обязанности которого входили, в частности, переговоры с представителями местной администрации (а при необходимости, и с вышестоящим начальством) [Ельяшевич, 1993, с. 23; Кокенай, с. 8]. В ордерах князя Г.А. Потемкина, направленных правителю Таврической области В.В. Коховскому в январе 1786 г., между прочим, имеется указание на то, чтобы местные власти воспрепятствовали действиям опального крымского хана Шагин-Герая II, стремившегося вернуть в свою собственность ставшие казенными земли полуострова и оставшееся после присоединения Крыма к России ханское имущество. В частности, князь Г.А. Потемкин распорядился объявить Вениамину бен Самуилу Аге, «чтобы он по поручению хана не осмеливался отнюдь требовать вещей, состоящих в казенном ведомстве и брать на себя подобные комиссии» [Кириенко, 1897, с. 4].

С возникновением такого государственного образования, как Крымское ханство, а затем и появлением после 1478 г. на территории полуострова турецких владений (т.н. Кефинского эялета) караимы, как и представители других немусульманских общин, приобретают особый статус податного населения «райи» (или «зимии»); ремесленники из числа крымских караимов играют важную роль в хозяйственной жизни региона. Различными источниками зафиксировано, что наиболее распространенным занятием у членов караимских общин являлся кожевенный промысел, причем караимы были заняты во всех его стадиях – начиная от выделки кожи вплоть до торговли разнообразными изделиями из нее, пользовавшимися стабильным спросом как в самом Крымском ханстве, так и за его пределами. В значительной степени развивались и такие ремесла, как оружейное, ювелирное, каменотесное дело; среди караимов насчитывалось немало ростовщиков. Особенно большой спрос в Крымском ханстве был на соледобычу и отрасли, с ней связанные, что предопределило занятость караимов и в этом промысле. Широкое распространение в караимских общинах Крыма получило земледелие, скотоводство, пчеловодство и огородничество. Исходя из данных, приведенных в документах ханской администрации, можно утверждать, что одними из важных отраслей хозяйства, в которых были заняты члены караимских общин, являлось садоводство, виноградарство и виноделие. Наибольший толчок в своем развитии получила в XVI–XVIII вв. торговля, которая приносила немалый доход в ханскую казну. Основными торговыми центрами полуострова являлись города, в которых существовали крупные караимские общины, – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезлёв; несмотря на запрет на постоянное жительство в Бахчисарае, наложенный на караимов, наличие значительного караимского купеческого элемента зафиксировано и в столице Крымского ханства.

Во многом благодаря труду представителей немусульманской части населения ханства – караимов, евреев, армян и греков – активно развивалась его экономика. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. многие виды ремесленного производства и торговля в Крымском ханстве находились преимущественно в руках немусульманского населения, и, в частности, крымских караимов.

ЛИТЕРАТУРА

- Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007.
- Барабанов О.Н. Товарооборот черноморской торговли в XVIII веке (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. III. – С. 279–284.
- Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. III. – С. 320–339.
- Белый О.Б. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 376–397.
- Берг Н.[В.] Бахчисарай. (Отрывок из походных заметок) // Библиотека для чтения. – СПб., 1857. – Т. СХLI. Отд. I, январь. – С. 1–30.
- Бертъе-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губернского земства, 1914. – № 51. – С. 153–185.
- Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. – Одесса, 1867. – Т. VI, Отд. 2: Сборник материалов. – С. 333–367.
- Вихнович В.Л. Евреи страны Кедар: (К вопросу о славяноязычных евреях Восточной Европы в домонгольский период) // Кунсткамера: Этнографические тетради. – 1996. – Вып. 10. – С. 196–208.
- Г.С. [Шапиал С.М.] История происхождения должности и характер деятельности караимских гахамов // Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 1918. Июль. – № 1. – С. 4–6.
- Галенко О. Крым в 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) // Україна в минулому. – Київ-Львів, 1996. – Вып. 8. – С. 176–190.
- Галенко О. Иудейські громади Кафи середини XVI ст. // Сходознавство. – К., 1998. – № 3–4. – С. 39–62.
- Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 744–751.
- Герцен А.Г. Мангупская синагога-кенаса // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2000. – Часть 1. – С. 20–27.
- Герцен А.Г. Археологический аспект истории иудейской общины Мангупа // Материалы Восьмой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. – М., 2000. – С. 58–61.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. – Симферополь: Таврия, 1993.
- Дашкевич Н.П. Описание Черноморья, составленное Эмидием д'Асколи в 1634 г. // ЧОИИИ. – К., 1891. – Кн. 5. – С. 172–181.
- Девлет-Гирей I (1551–1577) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1901. – Т.Х. – С. 248.
- Дортелли д'Асколли Эмиддио. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.); пер. Н.Н. Пименова; прим. А.Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. – Одесса, 1902. – Т. XXIV, Ч. II: Материалы. – С. 89–180.
- Домбровский Ф.[М.] Историко-статистический очерк г. Багчесарая // Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1848. – С. 380–396.
- Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 368 с.
- Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. XIV, кн. 2.

- Желтухина О.А.* Ремесла в Бахчисарае в XIX – начале XX вв. // Этнография Крыма XIX – начале XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С. 163–168.
- Зайцев И.В.* Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // *Alaica*. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева. – М.: Восточная литература, 2004. – С. 371–380.
- Зеленецкий К.* Рец на: Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S.M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. – Paris, Ernest Bourdin et Co, Editeurs, MDCCCXLI (1841) // ЗООИД. – Одесса, 1844. – Т. I. – С. 442–453.
- Историческое обозрение Азовской и Черноморской торговли России с восемнадцатого до девятнадцатого столетия. – Б.м., Б.г.
- Кеппен П.И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). – СПб, 1837.
- Кизилов М.Б.* Караимская община Гезлева (Евпатория) в XVIII–XIX вв. по свидетельству очевидцев // Тирош: Труды по иудаике. – Вып. 5. – М., 2001. – С. 245–256.
- Кизилов М.Б.* К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. – № 7 (25). – С. 113–122.
- Кизилов М.Б.* К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. – Вып. 6. – М., 2003. – С. 127–140.
- Кизилов М.Б.* Караимы // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 254–269.
- Кизилов М.Б.* Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 270–283.
- Кизилов М.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков на территории Крымского полуострова с античных времен и до наших дней / Рукопись. 2010; в печати.
- [*Кириенко Г.К.*] Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1786). Ордера князя Потемкина за 1786 г. (Сообщение Г. К. Кириенко) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 3. – С. 1–35.
- Клеemann Н.Э.* Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым... в 1768, 1769 и 1770 годах с приобщением описания достопамятностей крымских // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. I. – Симферополь: Таврия-плюс, 2004. – С. 168.
- Кокенай Б.Я.* Фамилии крымских караимов (рукопись, машинопис. копия) // Архив Ассоциации «Фидан», г. Севастополь, ф. 2, д. 10.
- Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. – СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. – Ч. VI. – 53 с.
- Кругосветное странствие раби Петахии Регенсбургского (пер. П.В. Марголина) // Три еврейских путешественника / Под ред. Г. Зеленина. – М., 2004. – С. 259–330.
- Курникова О.М.* Архивные материалы по истории османских владений на территории Крыма (XVI–XVIII вв.) // Восток. Афро-Азиатские общества. – М., 2008. – № 3. – С. 130–139.
- Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.: Дисс... канд. истор. наук: 07.00.09 [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН, Москва]. – М., 2009. – 248 с.
- Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. – Симферополь: Таврическая губернская тип., 1887.
- [*Лашков Ф.Ф.*] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь: тип. Газеты «Крым», 1889. – № 8. – С. 12–40.

- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1895. – № 22. – С. 35–81.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь, 1895. – № 23. – С. 71–117.
- Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1895. – № 22. – С. 82–115.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1896. – № 24. – С. 35–71.
- Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения ИТУАК. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1896. – № 24. – С. 72–137.
- [Лашков Ф.Ф.] О камеральном описании Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 2. – С. 20–30.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 3. – С. 36–64.
- [Лашков Ф.Ф.] Камеральное описание Крыма. (Сообщение члена Комиссии Ф.Ф. Лашкова) // ИТУАК. – Симферополь, 1897. – 2-е изд. – № 4. – С. 32–45.
- Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 году // ИТУАК. – Симферополь: тип. Газеты «Крым», 1891. – № 11. – С. 76–143.
- Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общинный вестник. – 1910. – № 11. – С. 442–543.
- Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В. Аграрный строй крымско-татарского ханства: Фирман Менгли-Гирей-хана Шах-мурзе-бею Яшлавскому // Крым. Хрестоматия по истории края; Под ред. В. Овейчика, Г. Комской, В. Кудряцева, П. Никольского. – Крымгосиздат, 1930. – Ч. 1. – С. 28–29.
- Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-историческая экскурсия. – Симферополь, 1924.
- Никольский П.В. Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь: Крымгосиздат, 1927.
- Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948.
- [Люк де Ж.] Описание Перекопских и Ногайских татар, Черкесов, Мингрелов и Грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. – Одесса, 1879. – Т. XI. – С. 473–503.
- Паллас П.С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД. – Одесса, 1881. – Т. XII. – С. 62–208.
- Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и острова Тамань // ЗООИД. – Одесса, 1883. – Т. XIII. – С. 35–92.
- К.Х. [Ханацкий К.] Соляная промышленность в Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / Под ред. К.В. Ханацкого. – Симферополь: тип. Таврического губ. правления, 1867. – Вып. 1. – С. 440–473.
- Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К.А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. VI: Промышленность и торговля. Гл. I: Соляная промысел. – С. 3–19.
- Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К. А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. V: Промышленность и торговля. Гл. II: Виноградарство и виноделие. – С. 12–55.
- Пейсонель Ш. де. Записка о Малой Татарии; Пер. с фр. В. Лотошниковой. – Днепропетровск: «Герда», 2009. – 78 с.
- Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 г.» / Под ред. Э.Б. Петровой. – Симферополь: «Бизнес-информ», 2009.

- Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. – М., 1990. – 278 с.
- Письма Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову для доклада Его Светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. – Одесса, 1877. – Т. X. – С. 235–361.
- Полканов Ю.А., Полканова А.Ю., Алиев Ф.М.* Фольклор крымских караимов. Песни, пословицы, поговорки, народный календарь / Йирлар, аталар сцзлери, улугата санавы. – Симферополь: Доля, 2005. – 160 с.
- Протокол заседания ТУАК 26 мая 1911 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 47. – С. 21–29.
- Прохоров Д.А.* Крымское ханство в контексте черноморской торговли // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С. 388–403.
- Радде Г.* Крымские татары; Вступ. статья, общая ред. и коммент. Г. Бекировой. – К.: ИД «Стилос», 2008. – 112 с.
- Ретовский О.* Генуэзско-татарские монеты города Кафы // ИТУАК. – Симферополь: тип. Спиро, 1897. – № 27. – С. 49–104.
- Рославцева Л.Г.* Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. – М.: «Наука», 2000.
- Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV-XVII вв. / в кн.: Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000. – С. 207–208.
- Сигаева Г.В.* Современная историография истории крымских караимов // Ученые записки СГУ. – № 8 (47). – Симферополь, 1998. – С. 35–40.
- Симиренко Л.П.* Крымское промышленное плодоводство / Предисл. П.В. Вольвач. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – Т. 1. – 992 с.
- Скальковский А.А.* Занятие Крыма в 1783 г. // ЖМНП. – СПб.: тип. Имп. Академии Наук, 1841. – Ч. XXX. – Отд. 2. – С. 1–44.
- [*Скальковский А.А.*] История новой Сечи, или последнего Коша Запорожского. Извлечена из собственного Запорожского архива А. Скальковским. – Одесса: Гор. тип., 1841.
- Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1853. – Ч. 2.
- Смирнов В.Д.* Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. – Симферополь, 1918. – № 54. – С. 1–19.
- Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века; Под ред. С.Ф. Орешковой; Вступ. стат.: С.М. Мейер, С.Н. Утургари: В 2-х т. – М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. – Т. I.
- События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии); пер. караим Авр.[аам] Сам.[уилович] Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – М: Университетская тип., 1856. – Кн. 24: Материалы. – С. 100–134.
- Список с статейного списка подьячего Василия Айтемирова, посланного в Крым с предложением мирных переговоров. 8 февраля 1692 г. – апрель 1685 г. Сообщил А.И. Маркевич // ЗООИД. – Одесса, 1895. – Т. XVIII. – Ч. II. Материалы. – С. I–XVIII, 1–80.
- Сумароков П.[И.]* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. – М.: Университетская тип., 1800. – 238 с.
- Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб.: Императорская тип., 1803. – Ч. I.
- Сумароков П.[И.]* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1805. – Ч. II.
- Татарчевский А.* Деятельность барона Тотта в качества консула в Крыму в 1767 году // Университетские известия. – К.: Изд-ие Университета Св. Владимира, 1873. – № 10. – С. 1–24.
- Тунманн И.Э.* Крымское ханство (Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста). – Симферополь, 1991.

- Хартахай Ф.К.* Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. – СПб., 1867. – Т. II, июнь. – С. 140–174.
- Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века); Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. – изд. 2-е, испр. и доп. – Симферополь: Доля, 2008.
- Чепурина П.Я.* Орнаментальное шитье Крыма. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938.
- Чижова Л.В.* Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Под ред. С.Я. Козлова, Л.В. Чижовой. М., 2003. – С. 12–135.
- Чореф М.* Новый тип монет Ислам-Гирея III // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 431–435 .
- Чореф М.М.* О причинах активизации монетного производства в Крымском ханстве во второй половине XVI века // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 19. – С. 155–161.
- Чореф М.М.* К вопросу о возможности медного чекана в Крымском ханстве в XV веке // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – С. 265–281.
- Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год // Хрестоматия по этнической и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. I. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане; Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. – Симферополь, 2004. – С. 52–54.
- Федорчук А.* Авраам Фиркович и фальсификация крымских надгробных памятников // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. – М., 2007. – С. 33–34.
- Федорчук А.Б.* Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. – М., 2008. – С. 212–227.
- Фелицын Е.Д.* Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев. Трактат о торговле на Черном море. // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией Е.Д. Фелицына. Екатеринодар: тип. А.П. Сташевского и Л. Нитче, 1891. – Т. 2. – С. 4–32.
- [*Фиркович З.А.*] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. – СПб: Лештуковская Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. – 223 с.
- Baranowski B.* Przyczynki stosunkow Karaimow polskich ze Wschodem muzumanskim // Myœel Karaimska. – Wilno, 1938. – 1 12 (1938). – S. 11–19.
- Baranowski B.* Dzieje jasyru na Grodku karaimskim // Myœel Karaimska. – Wrociaw, 1947. – Т. II (1946–1947). – S. 40–52.
- Eszer A* Neue Forschungen zur Geschichte der 2. Krim-Mission der Dommikaner (1635–65) // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Roma, 1971. – Vol. 11. – P. 181–234.
- Eszer A* Die «Beschreibung des Schwarzen Meeres und der Tartarei» des Emidio Dortelli d'Ascoli O. P. // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Roma, 1972. – Vol. 42. – P. 199–249.
- Kizilov M.* The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries // International Journal of Maritime History. – 2005. – Vol. 17. – № 1. – P. 211–235.
- Kizilov M.* Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and the Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate // Journal of Jewish Studies. – Vol. LVIII, № 2, autumn 2007. – P. 1–22 (separate print).
- Kizilov M.* Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. – 2007. – Vol. 11. – № 1–2. – P. 1–31.

[Mardkowicz A] Uruw adB ary KarajB arnyn [Nazwiska Karaimy] // Karaj Awazy. – Luck, 1934. – Z. 7. – S. 21–24.

Retowski O. Die Münzen der Girei // Труды Московского Нумизматического Общества. – М., 1903. – Т 3, Вып. 1. – С. 240–308.

Sulimowicz A. Imiona Karaimów z Halicza // Awazy myz. – 2004. – Z. 1 (8). – S. 3–5.

Д.А. Прохоров

ГОСПОДАРЬСКА ДІЯЛЬНІСТЬ ТА ОСНОВНІ ЗАНЯТТЯ КРИМСЬКИХ КАРАЇМІВ В XIII–XVIII ст.: РОЗВИТОК РЕМЕСЛА, ПРОМИСЛІВ ТА ТОРГОВЛІ

Резюме

Стаття присвячена історії розвитку торгівлі, промислів і ремісничого виробництва в караїмських громадах Криму в XV–XVIII ст. На ґрунті проаналізованих джерел можна зробити висновок про те, що переважну більшість членів кримських караїмських громад з часу їх появи на Кримському півострові складали ремісники і купці. Найбільш поширеним заняттям серед них був шкіряний промисел, причому караїми були задіяні у всіх його стадіях – від вироблення самих шкір аж до торгівлі різноманітними виробами із шкіри, що мали стабільний попит як в самому Кримському ханстві, так і за його межами. Розвитку набули такі ремесла, як зброяне, ювелірне; серед караїмів налічувалося немало фахівців з обробки каменю, а також лихварів. Особливо великий попит в Кримському ханстві був на солевидобуток і супутні з ним галузі, що зумовило зайнятість караїмів і в цьому промислі. Широке поширення в караїмських громадах Криму набуло землеробство, скотарство, бджільництво і городництво. Одними з важливих галузей господарства, в яких були задіяні члени караїмських громад, були також садівництво, виноградарство і виноробство. Однак найбільший поштовх в своєму розвитку отримала в XVI–XVIII ст. торгівля, яка приносила чималий дохід ханській казні. Головними торгівельними центрами півострова були міста, в яких існували великі караїмські громади – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезльов; не дивлячись на заборону щодо постійного мешкання в Бахчисараї, яка була накладена на караїмів, наявність караїмського купецького елемента фіксується і в столиці Кримського ханства. На підставі даних різних джерел можна зробити висновок про те, що до середини XVI ст. ремісниче виробництво в Кримському ханстві знаходилося переважно в руках немусульманської частки населення, і, зокрема, кримських караїмів.

Д.А. Прохоров

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В XIII–XVIII вв.: РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ, ПРОМЫСЛОВ И ТОРГОВЛИ

Резюме

В статье рассматривается история развития торговли, промыслов и ремесел в караимских общинах Крыма в XV–XVIII вв. На основании проанализированных источников можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство членов крымских караимских общин с момента своего появления на Крымском полуострове составляли ремесленники и купцы. Наиболее распространенным занятием являлся кожевенный промысел, причем караимы были заняты во всех его стадиях – от выделки кожи вплоть до торговли разнообразными изделиями из нее, пользовавшимися стабильным спросом как в самом Крымском ханстве, так и за его пределами. В значительной степени развивались и такие ремесла, как оружейное, ювелирное, каменотесное дело; среди караимов насчитывалось немало ростовщиков. Особенно большой спрос в Крымском ханстве был на соледобычу и отрасли, с ней связанные, что предопределило занятость караимов и в этом промысле. Широкое распространение в караимских общинах Крыма получило земледелие, скотоводство, пчеловодство и огородничество. Одними из важных отраслей хозяйства, в которых были задействованы члены караимских общин, являлось садоводство, виноградарство и виноделие. Наибольший толчок в своем развитии получила в XVI–XVIII вв. торговля, которая приносила немалый доход в ханскую казну. Основными торговыми центрами полуострова являлись города, в которых существовали крупные караимские общины – Чуфут-Кале, Кафа, Карасубазар, Гезлѐв; несмотря на запрет на постоянное жительство в Бахчисарае, наложенный на караимов, наличие караимского купеческого элемента зафиксировано и в столице Крымского ханства. На основании данных различных источников можно сделать вывод о том, что до середины XVI в. ремесленное производство в Крымском ханстве находилось преимущественно в руках немусульманского населения, и, в частности, крымских караимов.

D.A. Prokhorov

ECONOMIC ACTIVITIES AND MAIN OCCUPATIONS OF THE CRIMEAN
KARAITES IN THE 13th – 18th cc.: THE DEVELOPMENT OF CRAFTS,
HANDICRAFTS, AND TRADE

Summary

The article reviews the history of trade, crafts and handicrafts in the Karaite communities of the Crimea in the 15th-18th centuries. Based on the analyzed sources, we can conclude that the vast majority of the Crimean Karaite community, since its appearance on the Crimean peninsula, was craftsmen and merchants. The most common occupation was leather craft. Moreover, the Karaites were employed in all its stages – from tanning up to trade a variety of products, which were in demand both in the Crimean Khanate, and beyond. Such crafts as armory, jeweller's art, stone cutting evolved greatly. A lot of lenders were among the Karaites. Particularly strong demand in the Crimean Khanate was the extraction of salt and industries connected with it. This predetermined the Karaites' employment in this sphere either. Agriculture, cattle breeding, beekeeping and horticulture were widespread in the Karaite communities of the Crimea. One of the important sectors of the economy, in which the members of the Karaite communities were involved, was gardening, viticulture, and winemaking. Trading got the greatest impetus in its development in the 15th-18th centuries, which brought considerable revenue to the Khan's coffers. The main trading centers of the peninsula were the cities where there were big Karaite communities – Chufut Calais, Kafa, Karasubazar, and Gezlev. Despite the ban on permanent residence in Bakhchisarai imposed on the Karaites, Karaite merchant presence in the capital of the Crimean Khanate has been fixed. Based on data from different sources it can be concluded that until the mid 16th century, crafts in the Crimean Khanate was largely in the hands of non-Muslim population, and, in particular, the Crimean Karaites.